

ИЗ МАТЕРИАЛОВ КОНФЕРЕНЦИИ «NOVGORODIANA EXTRANEAE» НОВГОРОД, 1993

Х. Сьундберг

ЖИЗНЬ В НОВГОРОДЕ ВО ВРЕМЯ ШВЕДСКОЙ ОККУПАЦИИ 1611—1617 гг.

Документы Новгородского оккупационного архива 1611—1617 гг., хранящиеся в Государственном архиве Швеции, содержат подробную информацию о жизни в Новгороде во время шведской оккупации. По приходо-расходным книгам и отчетам многих городских учреждений и других организаций, по различным юридическим документам, по прошениям и соглашениям разного рода можно проследить экономические и социальные изменения, которые произошли в годы оккупации. По цифрам и записям этих документов можно воссоздать ежедневную жизнь горожан с теми огромными проблемами, которые возникли в ходе войны, голодом и тяжелым финансовым бременем по содержанию оккупационной армии.

16 июля 1611 г. Новгород был завоеван шведскими войсками под руководством генерала Якоба Делагарди. Вскоре после захвата города было подписано соглашение, согласно которому горожане переходили под покровительство шведского короля Карла IX и требовали, чтобы один из его сыновей был назначен новгородским князем и «государем всея Руси» — мы должны помнить, что это было так называемое Смутное время в России. Однако Карл IX умер в октябре того же года, и его старший сын взшел на шведский трон. Молодой король желал принять титул новгородского князя, но новгородцы не желали превращаться в подданных шведского короля и после некоторых переговоров его младший брат герцог Карл Филипп был объявлен формальным правителем Новгорода.

Юный принц так никогда и не появился в Новгороде — ему было лишь десять лет, и его мать, вдовствующая королева, не разрешила ему выезд в Россию. Тем не менее он был назван в нескольких документах как формальный правитель. В действительности исполнительная власть находилась в руках генерала Делагарди и русского воеводы князя Ивана Никитича Большого Одоевского. Гражданская администрация города была поручена шведскому приказу, возглавляемому шведским секретарем, которого именовали дьяком. Он-то и стал правителем города.

Однако подчиненные этому шведскому приказу прежние русские органы управления продолжали нормально действовать в течение всех лет оккупации. Таким образом, архивные документы содержат сведения, не только касающиеся особых условий времени оккупации, но и нормального функционирования городской администрации.

Оккупация привела к разорению некогда величественного города. Голландский дипломат, посетивший Новгород в 1616 г., описывает го-

род, лежащий наполовину в руинах, со сгоревшими домами, монастырями и церквями, с резко сократившимся населением; горожане либо умирали от истощения и болезней, либо бежали из города. Поразительный факт: от 20 тыс. жителей к концу оккупации осталось лишь несколько тысяч.

Стоит отметить, что в этих условиях эффективная гражданская администрация продолжала действовать до самого конца оккупации. Сделки и купчие составлялись профессиональными городскими подьячими, приходо-расходные книги велись в различных учреждениях, и толковые дьяки продолжали работать в приказах.

Приходо-расходные книги дворцовой администрации, возглавляемой Делагарди и Одоевским, дают подробные сведения относительно доходов от налогов, уплачиваемых для поддержания оккупационных сил. Книги конфискаций перечисляют земли, которые были конфискованы в пользу формального правителя принца Карла Филиппа.

Поступления серебра и монет записывались в книге Денежного двора, поступления от таможи — в таможенных книгах.

Хорошо утвержденное право новгородских горожан подавать прошения правительству осталось незыблемым во время оккупации, и большое число жалоб и челобитий в архиве показывает, что горожане пользовались этой возможностью. Они жаловались на дурное обращение шведских солдат, крестьяне — на высокие налоги и конфискацию лошадей и телег в пользу войска, что делало невозможной для них обработку земли. Требовали компенсацию за повреждение или утраченную собственность, и на обороте документов обычно была отмечена сумма, которую платила администрация. Один отчаявшийся собственник потерял возможность добраться до своего имения в Пскове из-за новых границ, установленных между городами. Старый и обнищавший, он просил денег для вступительного взноса в монастырь и денег на собственные похороны. На обороте документа помета: «дать один рубль на пострижение в монахи и на похороны».

Более мирный аспект жизни показывают приходо-расходные книги общественных бань, которые велись четыре года. Бани были открыты четыре дня в неделю и управлялись четверым ежегодно назначаемыми целовальниками, которые собирали деньги за посещение бань, обеспечивали все необходимое, в частности дрова и березовые веники, и в целом отвечали за деятельность бань. В бане работали один дьяк, водoley и два сторожа, которые отвечали за сохранность одежды посетителей. Продавец кваса снимал помещение для торговли этим напитком, и был наготове для тех, кто хотел использовать возможность проверить свою силу, и некий рудомет.

Число посетителей бань было довольно высоко, тем более принимая во внимание, что во многих домах имелись собственные бани. За один июньский день 1612 г. отмечено 550 посетителей. Однако по окончании оккупации число посетителей упало. Население сократилось из-за войны и голода, цены поднялись, и становилось все труднее и труднее добывать дрова и веники.

Еще один аспект повседневной жизни показывают приходо-расходные книги государственных кабаков. В первую зиму оккупации наблюдалось некоторое оживление торговли. Два кабака существовали до оккупации — один на Софийской стороне (на Щирковой улице), другой — на Торговой (на Рогатице). Эти два кабака были расширены

и восстановлены, чтобы удовлетворить спрос внезапно увеличившегося населения. А с января 1612 г. действовал третий новый кабак, называвшийся Михайловым, а позднее Витковым.

Во главе кабака стоял голова, и два горожанина-целовальника избирались ежегодно для варки пива, получения спирта от его изготовителей и организации торговли горячительными напитками. Кабаки, кажется, имели много общего с обычным двором, как он представлен в купчих на дома, опубликованных и откомментированных Инггерд Нордландер в 1987 г. Оборудование состояло из нескольких домов различного назначения. Два профессиональных писца-дьяка работали в специальном помещении — казенной избе. В каждом кабаке варили свое собственное пиво в специальной поварне, и мы можем проследить процедуру приобретения оборудования для поварни и установить расходы на покупку солода, хмеля и других ингридиентов.

Взгляд на внутреннее содержание «питушей избы» дают некоторые материалы купчих. Самый первый расход в новом Михайловом кабаке составил 3 алтына и 2 деньги за икону, еще две иконы были куплены для других кабаков. Специальный список сосудов для питья дает представление о красных деревянных кубках и других сосудах различной формы и размера, которые употреблялись в кабаке. Наиболее общеупотребительным был «ставец», его покупали партиями по 50—100 штук за один раз, в целом 1100 штук за первый год. Как и в случае с общественными банями, приходо-расходные книги кабаков доказывают увеличение трудностей в оккупированном городе в связи с ростом цен и уменьшением объема продаж. Начиная с 1615 г. объемы продажи водки и пива очень низки, а с сентября 1616 г. работали только два кабака; кабак на Софийской стороне прекратил свое существование.

Пребывание в кабаках далеко не всегда было мирным. Картина жестокой драки случайно дошла до нас благодаря отчету Рогатицкого кабака за декабрь 1616 г. Драматические события изложены лишь для того, чтобы объяснить потерю 3 кружек водки стоимостью 25 алтын, когда кувшин был разбит шведскими солдатами, «убив целовальников Василия Вышеславцова да Сидора Покаречника». Однако исход инцидента, кажется, был менее драматичен, во всяком случае, для одной из жертв. Приходо-расходные книги показывают, что Василий Вышеславцев пережил смертельный удар, поскольку он снова отмечен в качестве целовальника двумя месяцами позже.

Торговля лошадьми была весьма оживленной в Новгороде. Одна из книг архива содержит 450 торговых договоров, касающихся торговли лошадьми, хотя книга велась лишь менее двух месяцев. Лошадьми торговали на определенном месте торгова, где так называемый площадной подьячий составлял запись, давая при этом описание лошади со всеми ее пятнами и тамгами, шрамами, разорванными ушами и т. д. Указывались также размеры и масть хвоста, равно как и детально описывалась окраска шерсти. Богатство употребляемых определений: каждый цвет определялся по большому количеству оттенков — в целом более 60 — охарактеризовано мной в статье в «Скандо-Славике» 1985 г. Специальных торговых дней не существовало, торговлю вели каждый день недели, даже в воскресенье, и однажды было продано 40 лошадей за день.

Покупателей и продавцов тщательно обозначали по имени, титулу или роду занятий и месту жительства. Таким образом, список более 600 контрагентов дает нам срез населения города. Названия улиц и

деревень легко идентифицируются, и мы получаем картину города, кипящего жизнью, где жители разных социальных слоев принимали участие в торговле. Среди дворян находим князя Гаврилу Нарымова, землевладельца Водской пятины, и еще 15 сынов боярских, живших в пятинах. Упомянуты и городские официальные лица, служившие в разных ведомствах. Швецы, сапожники, кузнецы, каменщики и иконописцы жили на различных улицах Торговой стороны. Можно встретить бобровника, скорняка, кожевника и рукавичника. Производство еды и питья представлено крестьянами, мясниками, огородниками, рыбаками и торговцами кваса и хмеля. Естественно для торговли упоминание извозчиков, равно как и отъезжих купчин. В колоритной толпе на торговой площади мы находим также длинный ряд священников и других церковнослужителей из различных церквей и монастырей в Новгороде и вокруг него. Упомянуты также 3 монаха, один колокольник и пекарь просфор — просвирник.

Цены на лошадей представляют интерес в связи с курсом денег в это время. Цены варьировались от 9, 7 или 6 рублей за молодого коня до 20—25 алтын за жеребенка или старую лошадь, но наиболее распространенная и абсолютная средняя цена была равна 2 рублям. С этой суммой прямо соотносилась сумма займа, так как обычно именно 2 рубля занимали, поступаая в холопство и заключая кабальные договоры.

Кабала — это очень специфическая форма процедуры займа, которая была в употреблении в России в XVI и XVII вв.

Отдельные лица занимали сумму денег (обычно 2 рубля) у состоятельных горожан и в уплату процентов за долг поступали на год на службу в дом кредитора. Должники обязывались уплатить долг в конце года, но поскольку кабальным людям не платили за работу, они обычно не были в состоянии уплатить, и обязательство службы возобновлялось. Условное рабство тогда превращалось в более или менее постоянное.

Когда кабальная грамота регистрировалась в Дворцовом приказе в присутствии кредитора, а также дьяка, который составлял договор, происходил и допрос. Заимщик должен был сообщить свой возраст, место рождения, занятие отца и рассказать о своей прежней деятельности. Дьяк заносил историю его жизни в кабальную книгу, дополняя ее более или менее подробным описанием внешности заимщика. В конце кредитор платил пошлину, и ему выдавался оригинал кабальной грамоты.

В архиве имеются 2 кабальные книги, в которых содержится 178 договоров за время с 1 сентября 1614 г. до 1 сентября 1616 г. Книги были опубликованы мною в 1982 г. в качестве моей докторской диссертации. Во время работы над этим материалом мне попались сведения об интересных людях первых лет XVII в. в Новгороде.

Среди заимодавцев много влиятельных людей из известных семей и представителей городской администрации, купцов и других богатых горожан. Однако именно заимщики выступают в этих чисто формальных документах как необычайно живая галерея человеческих портретов с их печальной судьбой, переданной в коротких лаконичных записях писцов; да и внешность их описана в соответствии с четкой формой документа.

подавляющее большинство кабальных записей касается мужчин и юношей. Многие из мужчин указаны с женой и детьми. В 178 договорах в обеих книгах только 31 женщина зарегистрирована самостоятельно

как субъект права; из них 4 не замужем, остальные вдовы или покинутые жены.

Самому молодому закабаленному — 10 лет, старшему — 70, но большинство находится в цветущем и наиболее продуктивном возрасте — от 20 до 40 лет. Только 1/3 кабалных людей родилась в Новгородской области, остальные пришли или из соседних городов или деревень, или из более удаленных мест, как Москва, Углич, Городец и Смоленск.

Высокие цены на продовольствие, голод и высокие пошлыны часто приводятся как причины поступления в кабалу. Сапожник Мокейко Микитин отдает свою 17-летнюю дочь Матрену на службу мыльнику Кирилу Федорову, обеднев от налогов: «от тягла прихудав для хлебные дороговы отдает дочь ево». Матрена, по описанию, среднего роста с серыми глазами, черноволосая, круглолицая и курносая — «круглолика нос вскорюковат». Дальнейшая судьба юной Матрены выясняется из записи пятью месяцами позже. Теперь она поступает в кабалу как жена 25-летнего человека. Они поженились, будучи в службе у мыльника, но когда их хозяин умер, они были освобождены его вдовой, и теперь поступали на службу в дом другого хозяина.

Конфискация земли была страшной реальностью. 40-летний Дмитрий Гаврилов говорит дяку, что он обеднял и нищенствовал с женой, после того как его участок земли был конфискован в пользу правителя. Размер его земельного участка — 1/4 обжи (обжа — единица земли, которая соответствовала тому количеству земли, которую один человек мог вспахать за один день). Печальная история Дмитрия начинается с того, что его юношей увели казаки и насильно рекрутировали в поход на Нарву. Позже он вернулся в Новгород, где его крестьянская жизнь резко изменилась. Дмитрий, по описанию, среднего роста, с темно-рыжими волосами, темно-серыми глазами, круглым лицом, прямым носом и маленькой подстриженной бородкой. Его служба в казачьем войске оставила след в виде шрама от копья над правой бровью.

Как я упомянула выше, часть женщин кабалных книг — это покинутые жены, их несчастливая судьба описана лаконично: «Муж сшел безвестно». Но большинство женщин — вдовы 20—25 лет, и эти данные показывают, что девушки в то время выходили замуж совсем юными. Вдова 35 лет приводит с собой 20-летнего сына, а 25-летняя женщина дочь 10 лет.

Судьбы детей по кабалным книгам представляют мрачную картину нищеты. 17 детей в возрасте 10—17 лет имеют собственные кабалные грамоты. Некоторых из этих детей отдают в кабалу их родители. Самый младший — Якушко — 10 лет, которого из-за голода вынужден продать отец: «прокормиться ему с семею нельзя, и он для голода отдает сына своего Якушка».

Сирота Кирила, 11 лет, отдан в кабалу его дедом и бабкой, избным сторожем Васькой Пахомовым и его женой, как только они не смогли кормить его: «им ево кормити нечем». Описание рисует живой и трогательный портрет мальчика: круглое детское личико («лицом кругл») имеет след от пореза над правой бровью, и на левом бедре два шрама от укуса собаки: «два рубчика на левом стегне собака выхватила».

Кончаю портретом 13-летнего Иванки Остафьева, поскольку записи под разными числами, касающиеся его, ненамеренно дают информацию о службе кабалного человека. 16 ноября 1615 г. Иванко поступает на кабалную службу в дом князя Ивана Ивановича Большого Одоевского.

Мальчик умеет писать и подписывает свою кабальную грамоту в книге аккуратными печатными буквами: «к сим кабальным книгам заимщик Иванко Остафьев руку приложил». Через полгода мы снова встречаем Иванку. Старый князь умер, и Иванко подписывает новый договор на службу его сыну. Он снова ставит свою подпись на кабале — на этот раз его почерк легок и бегл, почти элегантен. Очевидно, он учился читать и писать у отца «житничного сторожа», и кажется вероятным, что его учение применялось для выполнения письменных работ в доме князя, поскольку его почерк так заметно улучшился за 6 месяцев службы. В книгах встречаемся еще с 7 грамотными кабальными людьми, и, я полагаю, мы можем допустить, что это их умение использовалось для письменной работы в обществе, где такое количество явлений повседневной жизни регистрировалось.